

УДК 94.47

Оськин М.В.¹

РУССКИЕ ПЛЕННЫЕ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: СОДЕРЖАНИЕ, ПИТАНИЕ И ПОМОЩЬ²

Международная полицейская академия ВПА, г. Тула

Os`kin M.V.

RUSSIAN PRISONERS OF WAR IN THE FIRST WORLD WAR: MAINTENANCE, FOOD AND ASSISTANCE

WPA International Police Academy, Tula

Аннотация: Первая мировая война стала тем конфликтом, в ходе которого в плену воюющих государств оказались сотни тысяч военнослужащих неприятельских армий, чей труд широко применялся в народном хозяйстве страны-пленителя. В австро-германском плену насчитывалось более 2,5 млн. русских военнопленных, содержание которых отличалось от содержания пленных западноевропейских стран в худшую сторону, что обуславливалось ксенофобским отношением к России со стороны немцев.

Ключевые слова: военнопленные, лагеря содержания, хроническое недоедание, продовольственная помощь.

Abstract: The First World War became the conflict during which hundreds of thousands of soldiers of enemy armies were captured by the warring states, whose labor was widely used in the national economy of the captive country. There were more than 2 million Russian prisoners of war in Austro-German captivity, whose content differed from the content of prisoners of Western European countries for the worse, which was due to the xenophobic attitude towards Russia on the part of the Germans.

Keywords: prisoners of war, detention camps, chronic malnutrition, food aid.

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. в неприятельском плену оказалось более 2,5 млн. русских военнослужащих. Если офицерский состав не мог быть привлечен к принудительным работам и всю войну находился в лагерях для военнопленных, то рядовые

---

¹ Оськин Максим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин Международной полицейской академии ВПА

² Материалы научно-практической конференции «Русофобия: история и методы противодействия» ТулГУ 19 апреля 2024 года. Конференция организована на средства гранта Правительства Тульской области в сфере науки и техники. Постановление Правительства Тульской области 03.07.2023 г. № 371 «Об итогах конкурса грантов Правительства Тульской области в сфере науки и техники 2023 года». Договор на выполнение работ ДС/107/ИГиП/23/ТО от 27 сентября 2023 г.

(нижние чины), а также унтер-офицеры и вольноопределяющиеся всемерно использовались в экономике воюющих стран. Следовательно, тем самым частично восполнялась нехватка рабочей силы, вызванная уходом мужчин на фронт, а с другой стороны – пленные оказывались заложниками той ситуации в конкретном месте и в конкретное время, в какой находился тыл государства, где находился пленный.

Массовые сдачи в плен русских и австро-венгерских военнослужащих (преимущественно, славян) начались вскоре после начала войны, уже в осенних сражениях кампании 1914 года. Это обуславливалось как усталостью от походной жизни, нехваткой продовольствия вследствие отставания тылов, истощением сил в высокоманевренных осенних операциях, так и непосредственно обстановкой на фронте – при неудачах и поражениях. Уже тогда стало проявляться негативное отношение к русским пленным со стороны прежде всего германцев, воспринимавших русских как «варваров». Офицер 171-го пехотного Кобринского полка 43-й пехотной дивизии В. В. Корсак, оказавшийся в плену в начале ноября 1914 г. под Варшавой, вспоминал об этапировании пленных: «Все мы были голодны. Но в деревнях, где можно было хоть что-нибудь достать, мы почти не останавливались, и, кроме того, конвоиры отгоняли прикладами жителей, подходивших к нам с хлебом и водой» (1, с.32).

В 1915 г., когда в русской армии стало не хватать боеприпасов и поражение следовало за поражением, сдачи в плен особенно увеличились (в кампании 1916 г. подобная обстановка сложилась для австрийской армии в ходе Брусиловского прорыва). Например, весной 1915 г. раненый офицер писал домой: «вчера уложили человек полтора своих, которые бросились бежать, чтобы сдаться в плен. Все может случиться: ведь голодным больше пяти суток не пробудешь» (ГА РФ, ф. 826, оп. 1, д. 338, л. 272). Неудачи Великого отступления 1915 г. позволили противнику брать русских пленных существенно больше, нежели он терял пленными сам, что сказывалось на содержании военнопленных. Очевидец так характеризовал русских пленных в мае 1915 г. в Сувалках (прифронтная зона): «Это были истощенные, голодные, грязные, оборванные, кишевшие паразитами, часто больные люди; они жили в ужасных условиях, и с ними бесчеловечно обращались. Но хуже всего, хуже грязи, ран и лохмотьев был тот факт, что они представляли собой почти без исключения отработанный человеческий материал, сломленные люди, потерявшие всякую надежду, которые в своем молчаливом, покорном страдании лишились части своей человеческой сущности и превращались в животных, в вещи» (4, с. 170).

Несомненно, что одной из основных причин пленения выступало намерение избежать фронтовых невзгод – от изнурения переходов до угрозы гибели. Из опросов,

бежавших из плена, выяснялось, что «многие попавшие в плен надеялись, что в плену их ожидает отдых от боев и хорошей жизни, а у некоторых даже нет сознания позорности плена». Неудивительно, что по пути в места постоянного содержания редко у кого возникало желание бежать: «наиболее пассивным элементом являются ратники старших возрастов», радующиеся, что останутся живы. Пользуясь «отсутствием патриотизма и сознания долга у наших солдат», как считало в таких случаях командование, германцы и австрийцы широко комплектовали пленными свои тыловые учреждения», иногда даже переодевая их в свою форму: «все этапы, хлебопекарни, кухни как полевые, так и местные, обслуживаются нашими пленными» (РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 784, л. 115об., 230, 263).

Такой подход имел следствием требование репрессалий к пленным со стороны собственного командования, то есть «с точки зрения военного руководства, плен воспринимался как позор, а пленные в большинстве своем – как предатели, изменившие долгу и присяге. Подозрения и клеймо потенциальных изменников ложились на всех оказавшихся в плену, что прямо или косвенно отражалось на их положении, оказании им материальной, продовольственной и иной помощи, организации переписки с Родиной и, наконец, на морально-психологическом состоянии самих пленных» (3, с. 66).

Действительно, если на первом этапе войны, когда успехи перемежались с неудачами, большинство пленных оказывалось в плену после боевого сопротивления, то в кампании 1915 г. многие военнослужащие сдавались в плен от безысходности – неравенство в вооружении с противником являлось слишком очевидным. Дабы сохранить армию в боеспособном состоянии, в июле 1915 г. военачальники требовали прекратить в тылу сборы в пользу пленных и прекратить деятельность печати, представляющих пленных «как каких-то несчастных» (РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 784, л. 115об.).

Одновременно, в дело вступила и военная пропаганда, настаивавшая на гораздо большей опасности от нахождения в плену, нежели от боевой опасности. Конечно, письма о неплохой жизни в плену (а обстановка для каждого пленного могла быть разной) цензура не должна была пропускать (2, с. 68). Солдат следовало отвратить от пленения. Например, агитационная листовка «Солдатская памятка о немецкой ласке и хлебосольтстве», со ссылкой на бежавших из плена (а таковых было очень много), утверждала: «Мы словно из ада вышли, чем туда возвращаться, лучше умереть 10 раз». Главный упор негатива делался на питании, что во многом являлось правдой, так как продовольственная ситуация в Центральных державах неуклонно ухудшалась: «утром дают четверть фунта хлеба да кружку черного кофе без сахара. На обед болтушка из муки, прокисшей да червивой, а хлеба нет. На ужин снова ломтик хлеба в четверть фунта и снова кофе... Хлеб у немцев плохой:

картофельную муку туда мешают, а то и рубленую солому. От такого хлеба только живот пучит, сытости же никакой». Разумеется, сообщалась и заведомо неверная, чисто пропагандистская информация: «от болезней гибнет в лагерях больше народу, чем в окопах от огня неприятельского. Умерших хоронят как собак, без священников, без могилы» (РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 784, л. 85–85об.). Естественно, после официальных огласок о жестоком отношении врага к русским пленным, в России также возникала враждебность населения к пленным противника. При этом, к австрийцам в основном было снисходительное отношение, в то время как к германцам – откровенно враждебное.

Невзирая на кровавое противостояние, в годы войны в вопросе о военнопленных воюющие страны установили некоторые взаимообязывающие правила, которым старались следовать всю войну. Это, например, взаимный обмен задержанными на территории враждебной страны в военное время некомбатантами (т.н. «гражданскими пленными»), которые не успели или не смогли своевременно выехать на родину или в союзную страну. Здесь можно привести курьезный случай «об обмене шести русских подданных, участников международного шахматного турнира на соответствующее количество германских подданных, задержанных в России» (РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 8171, л. 45), весной 1916 г.

Во время войны шел активный обмен инвалидов и калек, возвращавшихся на родину из неприятельского плена вследствие своей совершенной непригодности к дальнейшему участию в военных действиях. Согласно «Условиям взаимного освобождения военнопленных инвалидов между Германией и Францией, Англией, Россией и Бельгией» обмену подлежали «все тяжелораненые и больные, увечья и болезни коих делают их длительно или навсегда неспособными к строевой службе, а офицеров и унтер-офицеров также негодными к обучению молодых солдат и к канцелярской службе». Примечательно, что Германия и Австро-Венгрия возвращали в Россию больше таких инвалидов, нежели русские – неприятелю, что позволяло немцам угрожать репрессалиями в отношении остающихся в плену (ГАТО, ф. 2260, оп. 1, д. 80, л. 7–10). Для наблюдения за эвакуацией инвалидов из неприятельского плена в августе 1915 г. была учреждена особая комиссия под председательством генерала от кавалерии барона П. Р. Неттельгорста.

Наконец, по линии Международного Красного Креста воюющие стороны организовывали инспекции лагерей для военнопленных сестрами милосердия государства-противника, используя миссии нейтральных стран, выступавших посредниками. Швеции – в интересах Германии и Испании – в интересах России. Конечно, в штрафные лагеря, лагеря особого содержания, тюрьмы для пытавшихся бежать – такие инспекции не допускались. Однако, на основании этих осмотров можно видеть отношение к основной массе

военнопленных того или иного государства в неприятельской стране содержания.

В первой половине 1916 г. лагеря военнопленных в Австро-Венгрии осматривали сестры милосердия В. Е. Масловская и А. В. Романова. Несколько позже – сестра княгиня Н. Г. Яшвиль, осмотревшая восемь солдатских и шесть офицерских лагерей, десять госпиталей и шесть рабочих мест в Богемии; два солдатских лагеря, семь госпиталей, восемнадцать рабочих мест и заключенных в крепости Пресбург – в Венгрии. В своем докладе в Российском отделении Красного Креста (РОКК), Яшвиль отметила, что русские пленные – это «толпа униженных и оскорбленных, а наши офицеры – подавленные и с обнаженными нервами».

С 1 января 1916 г., вследствие недостатка продовольствия, уменьшили долю ржаной муки в хлебе: «количество пищи недостаточное; люди жалуются на всеобщее недомогание, что особенно тяжело для тех, кого посылают на работы. Расчет питания, однако, так аккуратно и тонко высчитан, что душа в теле держится и процент заболевания и смертности невелик». Внутрилагерные работы не оплачиваются: «мастеровые получают лишь по десять папирос в день, и иногда несколько усиленную порцию обеда», в то же время «пленные в Богемии не посылаются на сельскохозяйственные работы, а работают в шахтах и на заводах». Ввиду незначительного числа священников, «имеющих возможность бывать в лагерях не более одного раза в месяц и чаще одного раза в три месяца, солдаты сами справляют молитвы. Хоры и оркестры почти всюду прекрасные»; притом российской делегации «удалось выговорить отмену работ и празднования воскресных и главных православных праздников». Княгиня заметила, что «кладбища всюду в порядке... Похороны сопровождаются хором пленных, двумя русскими офицерами и одним австрийским. В отсутствие православного священника обряд производится католическим священником».

Наиболее негативным моментом в содержании военнопленных является система наказаний, отличающаяся от русской своим уничижающим характером: «крайне тягостно переносится пленными, подвергнутыми аресту, полное безделье и неопределенность срока наказания, причем арестованным запрещают даже писать письма». Отмечается «ужас и негодование военнопленных вследствие применения подвешивания в виде наказания за проступки, а чаще по произволу и злобе нижних чинов караула». Характерно, что «условия жизни военнопленных зависят большей частью от коменданта, а иногда и от низших чинов лагерной администрации. Ввиду этого, в каждом отдельном лагере положение военнопленных различно». (Следует отметить, что подобный принцип был свойствен и для России). Яшвиль подчеркнула, что на фоне русских резко выделяются французские пленные – «опрятно и тепло одетые, сытые и бодрые», потому что Франция оказывает им различную

поддержку, в том числе и продуктами питания. Отношение русских пленным к лишениям стало фаталистическим: «Знаешь, что у них у самих не хватает пищи да угля, ну и миришься с этим, но зачем издеваться над русским солдатом. Не расслышал чего, не понял – бьют; ослабел, не можешь встать на работу – снова бьют» (ГАТО, ф. 1130, оп. 1, д. 17, л. 6–6об.).

В июле 1916 г. офицерские и солдатские лагеря в Австрии и Венгрии уже во второй раз посетила сестра милосердия М. Н. Ганецкая. В ее отчете в РОКК указывалось, что со времени первой поездки «положение пленным мало изменилось, хотя и были допущены некоторые льготы, битье нижних чинов местами несколько сократилось, а питание значительно ухудшилось». Сравнивая положение пленным в разных частях Двуетной монархии, Ганецкая констатировала, что «вообще в Венгрии жестокости и произвол в наказаниях – чрезвычайно велики». Но с другой стороны – «отношение населения к военнопленным в Венгрии гораздо доброжелательнее, чем в Австрии, где женщину наказывают за разговор с военнопленными». Интересно, что в Венгрии сербские пленники живут лучше русских, так как их предпочитают на работах, хотя в Австрии, напротив, «сербь делают впечатление вымирающей расы, ободранные, голодные; население относится к ним с нескрываемым недоброжелательством».

В числе «главных бед» для русских пленным М. Н. Ганецкая отметила следующие:

1. «хроническое недоедание в Австрии – всюду, а в Венгрии – в лагерях». Притом питание пленным «более чем скудно; хроническое недоедание, жалобы на голод. Количественно мало, качественно – плохо... Хлеб качества отвратительного, маисовая мука с примесью 1/6 горьких каштанов – тяжелый и горький... Мясо дается редко и в большинстве случаев низкого качества; рыбу же (треску) плохо промывают, из-за чего она издает сильный запах». В результате, «люди всегда голодны, имея деньги купить нечего, так как в лавочках ничего достать нельзя»;
2. «развивающийся в огромных размерах туберкулез на почве плохого питания, изнурительных работ и тоске по родине». Притом, продуктов питания и табак «на свои личные деньги военнопленный приобрести не может, так как введена строгая карточная система, которой могут воспользоваться только австрийские подданные»;
3. «тяжелые работы на фронтах вообще – в Тироле же в особенности». Лагеря «рассчитаны от 10 тыс. до 55 тыс. военнопленных, большинство коих на работах»; обычно остаются в лагере 3–4 тыс. чел. Многие работают в прифронтной полосе, выполняя работы по укреплению позиций, в том числе и под артиллерийским огнем. Характерным состоянием пленным, возвращающихся с фронтных работ, являются «или полное изнурение, от которого и в несколько месяцев не поправляются, или долгое острое заболевание,

огнестрельное ранение, или иное травматическое повреждение».

Далее М. Н. Ганецкая затрагивает состояние и внутренний строй лагерей для военнопленных: «лагери по внешнему виду представляют из себя городки с одноэтажными бараками, расположенными правильными рядами и разделенными на группы. Лагеря обнесены проволочными ограждениями, а иногда, кроме того, и рвом. Посреди лагерей возвышается башня для наблюдения за военнопленными». В числе построек – помещения администрации и охраны, хозяйственные постройки, мастерские, церкви в бараках, больница, прачечная, баня, кладбище. Внутренний строй в лагерях: «комендант барака – русский фельдфебель, имеет от двух до четырех помощников унтер-офицеров, которые, к сожалению, иногда злоупотребляют своей маленькой властью». В целом, «в быту военнопленных видна с одной стороны хорошая организация, а с другой – полное бесправие, обнаруживающееся при разборке любого недоразумения. Надо отметить, что проявление непослушания наказывается беспощадным образом». В заключение, Ганецкая делает вывод о необходимости немедленной и организованной помощи пленным, пусть даже многие из них в свое время сдавались в плен без особого сопротивления, будучи подавлены психологически из-за превосходства противника в оружии. В этом вопросе она показывает на послевоенную перспективу: «думается, что военнопленных должно поддержать, каких бы затрат и забот это ни стоило, ибо весьма важно сохранить и получить после войны здоровых людей, а не изнуренных, озлобленных и туберкулезных» (ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 2190, л. 1–9, 27).

Сосредоточение М. Н. Ганецкой на проблеме питания, несомненно, являлось наиболее важной и насущной задачей. Установленная союзниками по Антанте блокада чем дальше, тем больше приносила свои плоды в отношении нехватки ресурсов, прежде всего – продовольственных. «Брюквенная зима» 1917 г. в Германии стала ярким следствием этой блокады. Разумеется, военнопленные, которые не могли питаться лучше местных граждан, оказывались в заведомо худшей ситуации. Особенно это касалось русских пленных, в незначительном объеме получавших помощи из России, что и отметила Ганецкая. В качестве примера ухудшения продовольственного снабжения можно привести выдержки из писем русских военнопленных в Австрии осенью 1916 г.: «нам хлеба дают полфунта в день, а полфунта стоит 50 копеек. Мы живем не хлебом, но одной водой. А каждая папирота стоит 5 копеек»; «день проходит в томительном ожидании обеда и только отобедав, начинаю ждать ужина. Лично для меня не хватает питания, и все дни и ночи в голове торчит гвоздем только одна страсть, одно желание – это бред о хлебе... Иногда в голову приходит дикая мысль: покушать досыта, а потом повеситься или отравиться, ибо подло в подобном

положении цепляться за жизнь» (РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 2956, л. 19–21).

Неудивительно, что предложения сестер милосердия РОКК, равно как и других гуманитарных организаций, находили сочувствие в некоторых высших сферах власти и управления в России. Так, отношение Комитета по оказанию помощи русским военнопленным от 27 сентября 1916 г. в Особое Совещание по продовольственному делу, указывало: «согласно сосредоточенным в Комитете сведениям, настоятельная необходимость в продовольственной помощи нашим воинам, томящимся во вражеской неволе, с каждым днем увеличивается. Ощущаемая нашими врагами нужда в пищевых продуктах самым чувствительным образом отражается прежде всего на и без того скудном питании наших пленных. А между тем развивающиеся на почве недоедания болезни, в особенности легочный туберкулез, грозит не только смертью многим из пленных, но и впоследствии причинит неисчислимые бедствия, ибо вернувшиеся военнопленные в большинстве окажутся очагом туберкулезной заразы. В поступающих ежедневно в Комитет письмах пленных врачей последние умоляют об усиленной присылке помимо сухарей – сгущенного молока, мясных консервов, сахара, шоколада, какао, крупы. К сожалению, из указанных предметов только сухари и сахар могут быть посылаемы из России, ввиду чего ограничивать количество сахара в отправляемых 10-фунтовых посылках едва ли было бы желательным» (ГА РФ, ф. 6809, оп. 1, д. 46, л. 137).

Действительно, в Российской империи в это время постепенно набирал обороты продовольственный кризис, вследствие чего даже при желании правительства и согласия генералитета (напомним, настаивавших скорее на репрессалиях, нежели на поддержке военнопленных), помощь объективно не могла быть оказана. Ведь именно продовольственные затруднения послужили поводом для Февральской революции – волнений в Петрограде и отказа главнокомандующих фронтами поддержать императора Николая II накануне отречения.

Как правило, правительственная помощь оказывалась не военнопленным, а задержанным во враждебных странах русским подданным (как указывалось выше, пленным солдатам из России посылались лишь сухари + частные посылки + незначительные объемы продуктов, закупаемые в нейтральных странах через посреднические структуры). В целом к 1 сентября 1915 г. русским подданным, оказавшимся в начале войны за границей, была оказана помощь в различных европейских странах на 2 405 660 руб., в том числе 1 060 035 – в Германии и 126 393 – в Австро-Венгрии. Общий расход составил менее 3,5 млн. руб. (3 366 898 руб. 61 коп.). Записка МИД по данному вопросу от 4 декабря 1915 г. особо отметила турецкий вопрос: «В Турции положение задержанных русских подданных

особенно тяжелое. Они все высланы вглубь страны. Все имущество от них отобрано. Попытки высылать средства из России успеха не имели. Турецкое правительство никакой помощи им не оказывает, и многие уже погибли от голода и инфекционных болезней. Брошены на произвол судьбы, в совершенно невыносимых условиях существования и русские военнопленные в Турции». К 1 ноября 1916 г. на эту помощь было израсходовано уже около 4,65 млн. руб., и в 1917г. помощь продолжала оказываться (ГА РФ, ф. 6996, оп. 1, д. 64, л. 1–5, 20).

Соответственно, и после революции, невзирая на декларации Временного правительства, направить дополнительные продукты военнопленным было невозможно – страну захлестывал революционный процесс. Тем не менее, ответственные инстанции пытались оказать давление на власти. Центральный Комитет по делам о военнопленных 7 июля 1917 г. представил докладную записку во Временное правительство о положении русских пленных в неприятельских странах. Как и ранее, со ссылкой на свидетельства сестер милосердия, врачей и бежавших из плена, отмечалось – «питание наших военнопленных, ввиду недостатка продовольствия в воюющих с нами государствах, настолько скудно и недостаточно, что наши воины, томящиеся в плену, положительно гибнут в громадном количестве от голода и развивающихся в связи с плохим питанием болезней». Занимавшиеся поддержкой в 1914–1915 гг. Комитеты помощи русским пленным за границей, субсидируемые русским Красным Крестом, теперь уже не могут помочь, как ввиду большого количества русских пленных, так и недостатка продуктов за рубежом. В то же время за 1 февраля – 13 мая Комитету было отпущено авансом 2 млн. руб. на помощь пленным и расходы самого Комитета – совершенно ничтожная сумма. Незадолго до большевистского переворота, 16 октября 1917 г. Московский городской комитет помощи русским военнопленным докладывал во Временное правительство, что за последнее время «все чаще и чаще поступают заявления из лагерей военнопленных, свидетельствующие о том, что нужда наших военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии достигла крайних степеней обострения» (ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 217, л. 12, 21).

Таким образом, в годы Первой мировой войны вопрос о российских военнопленных в неприятельских странах являлся весьма насущным и наименее урегулированным в гуманитарном отношении. По различным причинам субъективного (позиция военного командования) и объективного (нехватка продовольственных ресурсов в России с осени 1916 г.) характера, помощь пленным оказывалась в минимальном объеме, что ставило русских военнослужащих, оказавшихся в плену, в невыгодное положение в сравнении с англо-французскими союзниками (но, правда, наравне с пленными стран Антанты из

Восточной Европы – Сербии и Румынии). Ухудшение продовольственной ситуации в Центральных державах неизбежно отражалось на пленных, не получавших помощи со своей родины, в наибольшей степени. Взгляды германской и австрийской элиты на славян (и, в частности, на русских) как на «варваров», лишь усугубляли объективную картину сложившейся обстановки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
2. Государственный архив Тульской области (ГАТО)
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Забытая война. М., 2011. – 460 с.
2. Письма с войны 1914–1917 / составление, комментарии и вступительная статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса. М., 2015. – 794 с.
3. Сенявская Е.С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН, серия История России. 2013. №1. – с. 64–83.
4. Энглунд П. Первая мировая в 211 эпизодах. М., 2014. – 635 с.

REFERENCES (transliteration)

1. Zabytaja vojna. M., 2011. – 460 s.
2. Pis'ma s vojny 1914–1917 / sostavlenie, kommentarii i vstupil'naia stat'ja A.B. Astashova i P.A. Simmonsa. M., 2015. – 794 s.
3. Senjavskaja E.S. Polozhenie russkih voennoplennyh v gody Pervoj mirovoj vojny: ocherk povsednevnoj real'nosti // Vestnik RUDN, serija Istorija Rossii. 2013. №1. – s. 64–83.
4. Jenglund P. Pervaja mirovaja v 211 jepizodah. M., 2014. – 635 s.

Рецензент: Гельфонд М.Л. - заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор философских наук, доцент